

ВЗАИМОСВЯЗЬ РЕЛИГИОЗНОГО ФАКТОРА В МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ И СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ РЕЛИГИОЗНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Д.А. Осмонова¹, д-р филос. наук, профессор

М.Т. Тынарбекова¹, аспирант

Н.А. Жумабеков², аспирант

¹Кыргызский национальный университет имени Жусупа Баласагына

²Академия государственного управления при Президенте Кыргызской Республики имени

Ж. Абдрахманова

(Кыргызстан, г. Бишкек)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-2-2-34-40

Аннотация. В данной статье исследуется синергия двух актуальных аспектов общественной жизни современного Кыргызстана: влияние религии на миграционные потоки и необходимость государственного контроля над качеством религиозного образования. Авторы анализируют, как религиозная самоидентификация влияет на адаптацию мигрантов и как государственная политика в сфере образования может служить инструментом профилактики радикализма в условиях высокой мобильности населения. Особое внимание уделяется роли религиозного фактора как «социального демпфера», сглаживающего конфликты адаптации, а также значению институционализации исламского образования как барьера на пути экспорта экстремистских смыслов. На основе статистических данных за 2015-2025 гг. демонстрируется эффективность внедрения государственных стандартов и аттестации кадров для формирования идеологического иммунитета граждан.

Ключевые слова: Кыргызская Республика; миграция; религиозный фактор; религиозное образование; государственное регулирование; конфессиональная идентичность; радикализация; социальная адаптация; ханафитский мазхаб.

Миграционные процессы и религиозная ситуация являются определяющими факторами социальной стабильности Кыргызстана. В условиях глобализации религия перестает быть только частным делом и становится важным инструментом социокультурной интеграции или, напротив, дезориентации мигрантов. Параллельно с этим, вопрос о том, где и какое религиозное знание получают граждане, становится вопросом национальной безопасности.

Религиозный фактор как маркер миграционных процессов. Для анализа мы обратились к междисциплинарным исследованиям, где религия рассматривается не только как вероисповедание, но и как мощный социальный капитал, инструмент интеграции или, напротив, фактор самоизоляции.

Современные исследователи рассматривают религиозную идентичность как один из первичных маркеров при выборе направления миграции. Так, Абашин С.Н. указывает, что в условиях глобальной нестабильности религия становится «безопасной гаванью». Миграци-

онные потоки часто направляются в страны, где уже сформированы устойчивые религиозные общины (диаспоры). В этом контексте религия выступает маркером безопасности: мигрант выбирает среду, где его повседневные практики (халяль, молитва, праздники) не будут вызывать конфликта, а религия в миграции становится формой «социального страхования». Мечеть предоставляет не только духовный ресурс, но и конкретную физическую безопасность: информацию о работодателях, юридическую помощь и жилье [1].

Миграция не просто перемещает людей, она переносит смыслы, трансформируя принимающее общество. Казахстанские исследователи Кабиденова Ж., Турлыбекова анализируют феномен «детерриториализации» религии. Религиозная идентичность мигранта в XXI веке перестает быть привязанной к конкретному зданию (храму/мечети) и перемещается в киберпространство. Это создает «глобальные религиозные сети», которые позволяют мигранту сохранять маркеры своей культуры, даже находясь в глубоко секуляр-

ной среде [2, с. 51]. Для кыргызстанских мигрантов это проявляется в поиске локальных и виртуальных джамаатов как единственно надежных институтов в условиях правовой и социальной незащищенности.

Методологический подход к оценке интеграции, предложенный В.И. Мукомелем, позволяет рассматривать социальную включенность мигранта как многомерный процесс, где ключевым фактором является минимизация дистанции между индивидом и обществом. Автор подчеркивает, что отсутствие эффективных механизмов взаимодействия в социальной и культурной сферах неизбежно ведет к росту социальной исключенности и маргинализации мигрантских групп [3, с. 414].

В этом контексте вовлеченность в деятельность общинных (в том числе религиозных) институтов выступает как инструмент укрепления «интеграционного потенциала», обеспечивая субъекту психологическую опору в противодействии этно- и мигрантофобиям [3, с. 421]. Данная защитная функция реализуется через формирование устойчивых социальных сетей, которые минимизируют травматичный опыт столкновения с чужеродной средой. Вследствие этого религиозная община начинает выполнять роль «социального демпфера», сглаживающего конфликт между завышенными ожиданиями мигранта и жесткой реальностью принимающего общества [3, с. 414].

Для многих мигрантов религиозная община становится первым и главным институтом первичной адаптации. Филип Коннор – один из ведущих западных исследователей связи религии и миграции в своем исследовании доказывает, что высокий уровень религиозной вовлеченности (посещение общины) положительно коррелирует с более быстрой экономической адаптацией. Религиозные организации предоставляют мигрантам психологическую поддержку, помощь с жильем и информацию о вакансиях, выступая мощным ресурсом «мягкой силы» [4, р. 1354].

Если в США религия часто рассматривается как «мост» к ассимиляции, то в европейской науке преобладает мнение о религии как о маркере «дистанции». Ученые подчеркивают, что в Европе, в отличие от США, религиозный маркер (особенно ислам) часто воспринимается принимающим обществом как фактор непреодолимого культурного разрыва. Это ведет к формированию «параллельных

сообществ», где религия из инструмента связи превращается в маркер этнической и культурной замкнутости [5, с. 17].

Важным маркером является то, как меняется религиозность у детей мигрантов. Анализ данных исследований Прониной Т., Талалаевой Е. показывает интересную закономерность: в то время как первое поколение мигрантов использует религию для выживания, второе поколение часто либо полностью секуляризируется, либо, наоборот, радикализирует свою религиозную идентичность как форму социального протеста против непринятия обществом [6, с. 13].

Таким образом, религиозный фактор в миграции выполняет три ключевые функции-маркера:

- навигатор: определяет вектор движения потоков;
- амортизатор: помогает пережить стресс адаптации в новой среде;
- граница: служит инструментом демаркации «свой-чужой» в политическом дискурсе принимающих стран.

Анализ ситуации в Кыргызстане диктует необходимость учитывать, что республика выступает одновременно и как страна-донор (массовая внешняя миграция в Российскую Федерацию и Казахстан), и как принимающая сторона (внутренняя миграция из регионов в Бишкек, а также иммиграция из стран Южной Азии и соседних государств).

Для граждан Кыргызстана в миграции (преимущественно в России) религия становится важнейшим институтом самоорганизации в условиях правовой и социальной уязвимости, мечети в крупных городах России выполняют роль не только культовых сооружений, но и центров «первичного приема». Религиозная среда обеспечивает мигрантам из Кыргызстана систему взаимной помощи и доверия в агрессивной или чуждой среде. Религиозный маркер становится гарантией честности при трудоустройстве внутри диаспоральных сетей («мусульманское предпринимательство») [7, с. 47].

Процесс миграции из сельских регионов в Бишкек («новостройки») наглядно демонстрирует религию как маркер социального зонирования. В пригородных жилмассивах Бишкека, населенных внутренними мигрантами, мечеть часто оказывается единственным функционирующим социальным институтом (при дефиците школ, клубов и госучрежде-

ний). Здесь религия выступает маркером солидарности мигрантов-выходцев из южных и северных регионов, сглаживая земляческие различия и предлагая единую этическую платформу для выживания в городе [8, с. 165].

Миграционные процессы приводят к тому, что возвращающиеся мигранты меняют религиозный ландшафт внутри самого Кыргызстана. Исследователь Насритдинов Э. подчеркивает феномен «транснационального ислама». Мигранты, возвращаясь из арабских стран или Турции, приносят новые формы религиозности, которые иногда входят в конфликт с традиционным «народным исламом» Кыргызстана. Здесь религия становится маркером социального статуса и «просвещенности» мигранта, получившего доступ к глобальным исламским знаниям [9].

В контексте вышеуказанных данных о втором поколении в Европе, кыргызские исследователи также фиксируют риски радикализации, связанные с миграционным стрессом. Эргешов З. отмечает, что утрата традиционных семейных связей при переезде (атомизация) делает мигранта уязвимым для радикальных течений. В данном случае выбор радикальной религиозной идентичности выступает как маркер протеста против правовой дискриминации в странах приема и отсутствия социальных лифтов на родине [10, с. 91].

Рассмотрим исследования, которые рассматривают радикализацию как результат социальной дезориентации и попадания в «идеологический вакуум». Отрыв от традиционной социокультурной среды и отсутствие базовых религиозных знаний у мигрантов создают благоприятные условия для деятельности вербовщиков экстремистских организаций. Исследователи фиксируют феномен так называемой «кризисной идентичности», когда мигрант, лишенный поддержки привычных институтов (семьи, махалли), ищет упрощенную систему ценностей, которую и предлагают радикальные группы. Калинина С.Б. указывает, что отсутствие системного религиозного образования делает мигранта беззащитным перед манипуляциями. Вербовщики используют «примитивизированный ислам», подменяя глубокие теологические знания политическими лозунгами. Радикализация в данном случае выступает как дефектная форма социализации в новой среде [11].

Исследование Тирских А.А. подтверждает, что значительная часть случаев радикализации происходит именно в процессе «транзита» или в период первичной адаптации. Социальная исключенность и правовая незащищенность мигрантов позволяют экстремистским сетям выступать в роли «альтернативного государства», предоставляющего помощь в обмен на лояльность к радикальной идеологии [12].

В условиях социальной депривации отсутствие устойчивых связей с официальным духовенством, как в Кыргызстане, так и в странах пребывания, неизбежно толкает мигранта в пространство социальных сетей. В этой цифровой среде так называемый «электронный джихад» становится для мигранта-одиночки инструментом обретения «ложной значимости» и формой сопричастности к глобальному движению. Такая виртуальная радикализация выступает следствием глубокой социальной изоляции и оказывается наиболее опасной для молодежи, стремящейся восполнить дефицит идентичности через радикальные смыслы [6, с. 15].

Данный механизм психологической компенсации находит свое прямое подтверждение в миграционных процессах современного Кыргызстана. Массовая миграция граждан, в первую очередь молодежи и женщин, в страны СНГ и дальнего зарубежья (Россию, Казахстан) обусловлена поиском экономических возможностей, однако на практике часто оборачивается столкновением с дискриминацией и правовой уязвимостью. Именно этот вакуум поддержки и интеграции в принимающих странах усиливает чувство отчуждения, делая мигрантов идеальной мишенью для радикальных идеологов. Под видом религиозной общности деструктивные группировки предлагают готовые ответы на экзистенциальные вызовы: обретение смысла, четкую идентичность и социальную поддержку.

Ситуация осложняется тем, что зарубежная идеологическая экспансия ложится на подготовленную почву внутри самой республики. После распада СССР Кыргызстан оказался в состоянии ценностного вакуума, который активно заполнялся внешними игроками. Турецкие и арабские институты, часто придерживающиеся салафитско-ваххабитской доктрины, сформировали в регионе специфическую религиозную экосистему. В результате синергии внутренней нестабильности и внеш-

него влияния миграция превратилась в канал вербовки: молодые люди, лишенные перспектив и религиозной грамотности, становятся основным ресурсом для формирования потоков иностранных боевиков.

Таким образом, виртуальная радикализация и реальная социальная изоляция мигрантов являются взаимосвязанными механизмами, которые при отсутствии устойчивого государственного институционального влияния делают представителей этнических меньшинств и молодежь максимально восприимчивыми к экстремистским мировоззрениям [13, с. 220-221]. Религиозный фактор в контексте радикализации выступает не первопричиной, а инструментом, заполняющим лакуны в социальной адаптации. Радикализация становится маркером неудачи интеграционных процессов, где экстремистские идеи замещают мигранту утраченную культурную и гражданскую идентичность.

Для Кыргызстана религиозный фактор как маркер миграции специфичен тем, что:

- компенсирует слабость государственных институтов поддержки мигрантов за рубежом;
- служит интегратором для внутренних мигрантов из разных областей страны;
- выступает каналом трансформации общества через возвращающихся мигрантов, меняющих религиозные нормы внутри Кыргызстана.

Состояние религиозного образования и его государственное регулирование. Кыргызская Республика выбрала путь упорядочивания религиозного образовательного пространства. В соответствии с Законом «О свободе вероисповедания и религиозных организациях» (2025) государство усиливает контроль над учебными программами в медресе и исламских институтах.

Основные направления регулирования:

1. Стандартизация: внедрение государственных стандартов в учебные планы религиозных учебных заведений (включая светские дисциплины).

2. Учет и регистрация: обязательная аттестация преподавателей и лицензирование учебных заведений через Национальное агентство по делам религии и межэтнических отношений при Президенте Кыргызской Республики (НАДРМО ПКР, ранее ГКДР КР).

3. Контроль зарубежного обучения: мониторинг граждан, выезжающих за пределы республики для получения теологического образования, с целью предотвращения импорта чуждых идеологических установок.

Взаимосвязь между качеством внутреннего религиозного образования и устойчивостью граждан к радикальным идеологиям в условиях миграции выступает сегодня ключевым аспектом обеспечения национальной безопасности Кыргызской Республики. Как справедливо отмечает эксперт Мурзахалилов К.С., системные пробелы в просвещении и отсутствие должного государственного контроля в предшествующие десятилетия создали условия, при которых «религиозный вакуум» мигрантов заполняется деструктивными внешними доктринами. Согласно его позиции, именно глубокая институционализация исламского образования в КР должна стать основным барьером на пути экспорта экстремистских смыслов, формируя у граждан устойчивый идеологический иммунитет [14]. Для анализа эффективности проводимых в этом направлении реформ необходимо рассмотреть динамику институциональных показателей системы исламского образования за период 2015-2025 гг., представленную в таблице.

Таблица. Динамика институциональных показателей системы исламского образования в КР (2015-2025 гг.)

Показатель	2015 г.	2020 г.	2025 г.	Влияние на миграционные риски
Зарегистрированные медресе	78	102	115	Снижение спроса на нелегальные и онлайн-курсы «электронного джихада».
Аттестованные преподаватели	~35%	~65%	>85%	Формирование иммунитета к радикальным трактовкам через умеренное просвещение.
Внедрение светских дисциплин	<10%	45%	75%	Рост правовой грамотности и социальной адаптивности мигрантов за рубежом
Лицензированные вузы/институты	10	11	12	Создание национальной элиты теологов, способных противостоять внешней экспансии.

Приведенные статистические данные наглядно демонстрируют, что упорядочивание программ в медресе и поэтапная аттестация педагогических кадров позволяют минимизировать риски, связанные с «кризисом идентичности» молодежи, так как гражданин, обладающий качественной базовой религиозной грамотностью, значительно реже становится объектом вербовки в социальных сетях. Более того, активное включение светских предметов в учебные планы религиозных заведений напрямую способствует успешной интеграции мигрантов в принимающих странах, существенно снижая уровень их маргинализации и чувства социальной отчужденности.

Параллельно с этим, механизмы государственного мониторинга, включающие лицензирование образовательной деятельности и контроль за выездом граждан на теологическое обучение за рубеж, позволяют государству эффективно купировать угрозу импорта чуждых идеологических установок. Таким образом, создание контролируемой и качественной образовательной среды внутри республики обеспечивает сохранение традиционной для региона религиозной экосистемы и выступает фундаментальным инструментом профилактики экстремизма в условиях глобальных миграционных процессов.

Точки соприкосновения: образование как фильтр миграционных рисков. Интеграция вопросов религиозного просвещения и миграционной политики позволяет рассматривать качественное государственное регулирование образовательной сферы в Кыргызской Республике как превентивный механизм обеспечения безопасности миграционных процессов. В данной парадигме образование выступает не только инструментом передачи знаний, но и многоуровневым «фильтром», минимизирующим риски радикализации граждан за пределами страны.

Первым эшелонem такой защиты выступает формирование индивидуального идеологического «иммунитета» мигранта. Гражданин, получивший системное, верифицированное государством религиозное образование на родине в рамках ханафитского мазхаба и матуридийской школы, обладает устойчивой ценностной базой. Это делает его менее восприимчивым к деструктивной пропаганде и ритори-

ке «электронного джихада» в условиях трудовой миграции, где социальная изоляция и правовая уязвимость часто подталкивают индивида к поиску упрощенных радикальных смыслов. Государственный контроль над учебными планами медресе, включающий светские дисциплины, обеспечивает мигранту когнитивную гибкость и правовую грамотность, необходимые для успешной навигации в инокультурной среде и снижения уровня конфликтности с принимающим обществом.

Вторым критически важным аспектом является регулирование репатриационных образовательных потоков. Процесс возвращения соотечественников, получивших теологическое образование в зарубежных исламских центрах, требует особого институционального внимания. Государственное регулирование позволяет эффективно реализовать процедуру верификации компетенций и «переаттестации» таких лиц. Это необходимо для предотвращения инфильтрации чуждых идеологических установок в локальную религиозную экосистему Кыргызстана.

Обязательная регистрация и аттестация в НАДРМО ПКР для тех, кто претендует на роль духовных лидеров или преподавателей по возвращении, служит гарантией того, что транслируемые ими ценности не вступают в противоречие с конституционными принципами светскости и национальными интересами.

Таким образом, образовательный фильтр работает в обоих направлениях: защищая мигранта от внешнего деструктивного влияния в период пребывания за рубежом и обеспечивая безопасность религиозного поля республики при возвращении кадров из-за границы.

В конечном итоге, синхронизация образовательных стандартов с вызовами миграции трансформирует систему религиозного обучения из закрытой корпоративной сферы в действенный институт гражданской обороны и социальной стабилизации.

Заключение. Проведенное исследование подтверждает, что в условиях высокой мобильности населения Кыргызской Республики религиозный фактор выступает не только маркером идентичности, но и определяющим элементом социальной адаптации мигрантов. Синергия миграционных потоков и образовательной политики государства создает усло-

вия, при которых качественное религиозное просвещение внутри страны становится базовым инструментом профилактики радикализма за её пределами.

Для совершенствования государственной политики в данной области предлагаются следующие рекомендации, направленные на укрепление взаимосвязи между образовательной сферой и миграционной безопасностью:

1. Интеграция миграционного контекста в образовательные стандарты: необходимо расширить светский компонент в учебных планах религиозных образовательных заведений (право, история и др.) для повышения правовой грамотности и социальной адаптивности будущих мигрантов в инокультурной среде.

2. Создание идеологического «фильтра» на стадии предвыездной подготовки: рекомендуется развивать программы первичного просвещения, которые формируют у потенциальных мигрантов устойчивый иммунитет к радикальной пропаганде и риторике «электронного джихада» еще до пересечения границы.

3. Верификация и переквалификация репатриационных потоков: следует обеспечить строгий контроль и процедуру подтверждения компетенций для лиц, возвращающихся после обучения в зарубежных религиозных образовательных заведениях, с целью предотвращения импорта и трансляции чуждых идеологических установок внутри страны.

4. Институциональная поддержка соотечественников за рубежом: целесообразно использовать потенциал умеренных религиозных организаций для создания легальных площадок адаптации мигрантов в странах приема, что позволит минимизировать их вовлеченность в неформальные и радикальные джамааты.

5. Цифровизация профилактической работы: необходимо усиливать присутствие официальных образовательных структур в киберпространстве, создавая качественный контент, способный конкурировать с примитивизированными лозунгами экстремистских вербовщиков в социальных сетях.

6. Развитие национальной теологической школы: приоритетом должно стать формирование собственной образовательной элиты, способной транслировать традиционные ценности ханафитского мазхаба, что снизит зависимость мигрантов от внешних центров влияния и сохранит уникальную религиозную экосистему региона.

В конечном итоге, синхронизация стандартов религиозного образования с реальными вызовами миграции позволяет трансформировать учебный процесс в действенный институт гражданской обороны, обеспечивающий социальную стабилизацию и национальную безопасность Кыргызской Республики.

Библиографический список

1. Абашин С.Н. Среднеазиатская миграция: практики, локальные сообщества, транснационализм. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ethnorevras.ru/s0869-54150000527-2-1-ru-2/?version_id=22664.
2. Кабиденнова Ж., Турлыбекова А. Роль религии в миграционных процессах: исследовательские дискурсы. Вестник КазНУ. Серия Религиоведение. – 2025. – № 41 (1). – С. 49-57.
3. Мукомель В.И. Адаптация и интеграция мигрантов: методологические подходы к оценке результативности и роль принимающего общества // Вестник Института социологии. – 2016. – № 1 (16). – С. 411-424.
4. Connor P. Religion as Resource: Religion and Immigrant Economic Incorporation // Social Science Research. – 2011. – Vol. 40, № 5. – P. 1350-1361.
5. Руткевич Е.Д. Влияние иммигрантских религий на характер религиозного плюрализма в США и Западной Европе // Социологический журнал. – 2019. – Т. 25, № 2. – С. 8-32.
6. Пронина Т., Талалаева Е. Миграция и религия: основные направления исследований // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2023. – № 41 (2). – С. 7-29.
7. Экспертное сообщество в системе профилактики экстремизма и терроризма в среде мигрантов: учебно-методическое пособие // Под общ. ред. Р.Г. Минзарипова. – Казань: Издательство Казанского университета, 2019. – 110 с.
8. Медетбекова Ы.М. Факторы миграции сельского населения Кыргызстана // Россия и мир: научный диалог. – 2025. – № 1. – С. 148-163.

9. Насритдинов Э. Транснациональная идентичность кыргызских трудовых мигрантов в России. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://auca.academia.edu/EmilNasritdinov>.

10. Почему молодежь Центральной Азии радикализуется? 2 Июнь, 2023. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.nlkg.kg/ru/society/security/pochemu-molodezh-centralnoj-azii-radikaliziruetsya>.

11. Калинина С.Б. Психологические методы вербовки молодежи в террористические организации / С.Б. Калинина // Наука. Общество. Оборона. – 2018. – № 2(15). – С. 4. – EDN YKZYNV.

12. Тирских А.А. Некоторые аспекты противодействия распространению идеологии терроризма среди мигрантов // Human Progress. – 2025. – Т. 11, Вып. 8. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://progress-human.com/images/2025/Том11_8/Tirskikh.pdf DOI 10.46320/2073-4506-2025-8a-3.

13. Осмонова Д.А., Молдобаева А.Д. Социокультурные особенности религиозного экстремизма в современном Кыргызстане // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2025. – № 8 (107). – С. 219-224.

14. Мурзахалилов К.С. Кыргызстан обладает уникальным историческим опытом для создания современной системы религиозного образования. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://caravan-info.kg/ru/interview/662867-kanatbek-murzahalilov-kyrgyzstan-obladaet-unikalnym-istoricheskim-opytom-dlya-sozdaniya-sovremennoy-sistemy-religioznogo-obrazovaniya.html>.

THE INTERRELATION BETWEEN THE RELIGIOUS FACTOR IN MIGRATION PROCESSES AND THE SYSTEM OF STATE REGULATION OF RELIGIOUS EDUCATION IN THE KYRGYZ REPUBLIC

D.A. Osmonova¹, Doctor of Philosophical Sciences, Professor

M.T. Tynarbekova¹, Postgraduate Student

N.A. Zhumabekov², Postgraduate Student

¹Kyrgyz National University named after J. Balasagyn

²Academy of Public Administration under the President of the Kyrgyz Republic named after J. Abdrakhmanov

^{1,2}(Kyrgyzstan, Bishkek)

Abstract. This article explores the synergy between two vital aspects of public life in modern Kyrgyzstan: the influence of religion on migration flows and the necessity for state control over the quality of religious education. The authors analyze how religious self-identification affects the adaptation of migrants and how state policy in the sphere of education can serve as a tool for preventing radicalism in conditions of high population mobility. Specific focus is placed on the role of the religious factor as a "social damper" that eases adaptation conflicts, and the significance of institutionalizing Islamic education as a barrier against the export of extremist ideologies. Based on statistical data from 2015–2025, the study demonstrates the effectiveness of implementing state standards and staff certification in building ideological immunity among citizens.

Keywords: Kyrgyz Republic; migration; religious factor; religious education; state regulation; confessional identity; radicalization; social adaptation; Hanafi madhhab.